
ГРАЖДАНСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Н.И. Шаповалов

Кафедра конституционного и международного права
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Ленинградский просп., 80, Москва, Россия, 125190

Материал посвящен анализу понятия гражданства Европейского Союза, исследуются социально-правовые проблемы становления гражданства ЕС на основе первичных источников права ЕС. Вопрос о европейском гражданстве, бесспорно, представляется новацией в международном праве. Однако интеграционный процесс представляется естественным развитием общества, который в конечном итоге приведет к поиску решения этих проблем.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграция, интеграционный процесс ЕС, право ЕС, унификация правовой системы.

Пятидесятилетний юбилей Европейского Союза — прекрасный повод для анализа деятельности этого экономико-правового и финансового феномена современности.

Однако подведение итогов, что всегда сопутствует юбилею, оказалось горькой пилюлей, которую вряд ли удалось подсластить пирожными, предложенными гостям на юбилейных торжествах в Берлине (1).

Так, создание единого универсального правового акта, получившего название «Конституционное Соглашение», застопорилось, отсутствуют единые вооруженные силы (2), финансовые проблемы в ряде государств угрожают стабильности еврозоны, да к тому же народные протесты то и дело вспыхивают в разных уголках Европы, набирает силу движение «возмущенных» (3), ошибки миграционной политики все больше дают о себе знать.

Еще одна головная боль — массовые студенческие волнения, которые за последние несколько лет потрясали, казалось, самые благополучные страны Европы. Проблемы требуют решения, а понимания, как их решать, у европейцев пока нет.

Кризис видят и политики. «Сейчас, как и в 1957 г., наступает ключевой момент в истории Евросоюза. 50 лет назад — когда все начиналось — задача была восстановить разрушенное и подготовить почву для процветания. Сейчас необходимо завершить урегулирования, призванные адаптировать Евросоюз к расширению и существованию в изменившемся мире», — заявила в своем выступлении на юбилейном заседании Европейского Совета канцлер ФРГ Ангела Меркель [2].

Продолжает активно обсуждаться вопрос более близкого единства Европы. Углубление единства с его одновременным объединением с дальнейшим расширением Союза на Восток вызывает ряд вопросов. Восточноевропейское расширение Европейского Союза привязано больше к Германии, особенно ее экономическим интересам, чем к любой другой стране в Европе. Правда, ностальгия по дружественным соглашениям между государствами «Старого Света» в межвоенный период иногда все еще проявляется к востоку от Одера и к югу от Рудных гор, в пользу роли лидерства Франции. Однако анализ ситуации во Франции вызывает сомнения относительно действительной готовности Франции к этой ведущей роли.

Авторы, исследующие проблему конституционализма Европейского интеграционного объединения, сходятся во мнении, что население европейских государств едва ли готово воспринять адекватно «интеграционную конституцию». Конституционный патриотизм, который немцы добровольно взяли на себя из-за исторических условий развития Германии, как акт «внутреннего аскетизма», не имеет особой поддержки в других государствах — членах Европейского Союза, которые не испытывают угрызения исторической совести за Вторую мировую войну. Однако их также мучает вопрос, а что, собственно, гражданин Европейского Союза может ожидать от единства Европы.

Совершенно определенно просматривается тройное интеграционное единство гражданина: его политические права, его демократические права и свободы и его социальные права, что касается присоединения к этим трем областям правового регулирования статуса гражданина Европейского Союза его культурной компоненты, то это не совсем соответствует европейскому контексту. Во всяком случае, это вытекает из учредительного соглашения Европейского Союза. Точно так же как и то, что этот вопрос не имеет решения в Лиссабонском соглашении о реформах 2007 г.

Культурная идентификация в Европе не имеет определенности. Ссылки на «западный менталитет» или на «европейский гуманизм» не могут быть серьезным аргументом, позволяющим, например, идентифицировать Канаду или Австралию вне границ Европы.

По мнению профессора Гарвардского университета Стула Джини Монет, единая культурно-национальная линия невозможна для Союза, что не позволяет сделать эмоциональную идентификацию населения Евросоюза. Культура многоцветна. Это верно даже, если не сужать понятие высокой культуры. Вместе с тем в государстве, как правило, имеется национальная идея, которая объединяет нацию. Это как раз то, чего нет в Евросоюзе.

Вопрос о европейском гражданстве, бесспорно, представляется новацией в международном праве. Положение о нем изначально было закреплено в разделе Маастрихтского договора, позже подтверждено в Лиссабонском договоре, тем не менее, речь идет о гражданстве Европейского Союза, а не Сообществ, которые имели собственную правовую систему и в большей степени были к этому готовы. Исходя из определения понятия гражданства — это устойчивая во вре-

мени и пространстве правовая и социально-экономическая связь между конкретным физическим лицом и конкретным государством, в силу которой между ними возникают определенные правоотношения.

Иными словами, гражданство — это юридическая принадлежность лица к определенному государству.

В данном случае, согласно ст. 8 Маастрихтского договора, речь идет о принадлежности не к государству, а к союзу государств, не обладающему ни суверенитетом, ни полным объемом правосубъектности. Каждый гражданин государства — члена Европейского Союза, гласит ст. 15 Маастрихтского договора [4], помимо гражданства собственного государства, имеет гражданство Союза.

В то же время сам институт гражданства, т.е. порядок приобретения и утраты гражданства, отнесен к национальному законодательству. Во всяком случае, это вытекает из Декларации о гражданстве государства-члена, являющейся приложением к Маастрихтскому договору.

Необходима европеизация юридического статуса гражданина. Ралф Дахрендорф когда-то признавал, что конституционный патриотизм становится возможным только там, где есть юридическое единство. Эта мысль была поддержана в свое время Судом Европейских Сообществ. Но пока даже немецкий Федеральный Конституционный Суд далеко не готов к тому, чтобы предотвратить дальнейшую эрозию национальных полномочий, хотя это самая умеренная форма создания единого гражданства.

А это означает, что наличие гражданства государства-члена автоматически предоставляет гражданство Союза. Права граждан Европейского Союза, содержащиеся в ст. 18–21 Договора о Европейском Союзе [3], которые, в частности, закрепляют: право на свободное передвижение и постоянное проживание на территории государств-членов, право на участие в выборах в государстве, где лицо проживает, но не является гражданином, а также право участвовать в голосовании и баллотироваться в качестве кандидата на выборах в Европейский парламент в том государстве, где лицо проживает. При этом согласно договору в этой области гарантируются равные права с гражданами этого государства.

Устанавливается также право на дипломатическую и консульскую защиту на территории третьего государства, с которым государство гражданина Евросоюза не имеет дипломатических или консульских отношений, на тех же условиях, что имеет гражданин государства-члена, у которого такие отношения имеются.

По мнению правительства Дании, определение гражданства Европейского Союза, его политическое и юридическое понятие в корне отличается от определения понятия гражданства, данного Конституцией Королевства Дании и датской юридической системой. Это выражается в том, что гражданство Союза само по себе не дает гражданину другого государства-члена право получить датское гражданство, хотя это страна с одним из самых либеральных способов натурализации в Европейском Союзе.

Европейский Совет на заседании в Эдинбурге сделал попытку выйти из затруднительного положения, пояснив, что положения части второй Конституционного Соглашения (4) ни в коем случае не касаются национального гражданства.

Но это определение не бесспорно, так как право участвовать в выборах в местные органы власти отнюдь не то же самое, что право состоять в гражданстве в соответствии с положениями ч. 1 ст. 8b Консолидированной версии Договора о функционировании Европейского Союза [3]. На выборах в Европарламент граждане других государств-членов должны быть приравнены в правах к национальным гражданам, что вытекает из положений ч. 2 ст. 8b [3]. Однако эти положения на практике не осуществляются.

Концепция гражданства, содержащаяся в Маастрихтском договоре, определена не на основе этно-национальных признаков. Хотя, принцип крови все еще остается ведущим. Но это не может быть намерением ЕС.

Достаточно много критики было в адрес «онтологической концепции гражданства» в Германии. Однако целесообразность ее очевидна: разгром гитлеровского рейха и раздробление территории Германии и разбросанность немцев потребовало от Германии предоставлять гражданство Германии, в том числе на основе «принципа крови». Только в 1990 г. были созданы условия, которые позволили отойти от существующего принципа крови. Правительство Шредера сделало в этом направлении определенные шаги.

Среди юридических аспектов гражданства достаточно важным представляется статус этнических меньшинств. Они — часто граждане, особенно в странах, где действует принцип исключительности гражданства, как, например, во Франции. Традиция «единой и неделимой нации» вызвала интеграцию через язык. Однако, как оказалось, это не панацея.

В течение долгого времени Франция, казалось, не имела особых проблем с выходцами с северной Африки. В большинстве своем они говорили на превосходном французском языке.

Тем не менее, их высокая концентрация в предместьях, от Марселя до Страсбурга, наряду с высоким уровнем безработицы стали социальной проблемой. Как это ни парадоксально, коренные граждане Франции оказались более нетерпимы к dress code и принципам исламского фундаментализма в школах, чем это было в Германии.

Как далеко может пойти правовая терпимость к разным представителям населения в пределах территории одного государства-члена в Европейском Союзе?

Союз не демонстрирует готовность придерживаться таких принципов, которые представляются диаметрально противоположными в различных государствах-членах. Единственная правовая проблема гражданства Европейского Союза, которая имела очевидное решение, — это защита прав граждан ЕС за границей, которая справедливо и четко регулируется.

Что касается проблемы защиты фундаментальных прав граждан в пределах территории одного государства, то она не решена и поиск ее решения продолжается, и она представляется предметом для дальнейших дискуссий. Статья F2 Маастрихтского договора о Европейском Союзе призывает к уважению фундаментальных прав, опираясь на общие конституционные традиции государств-членов.

Но широкие области фундаментальных прав необычны и отличаются в различных государствах-членах. Права человека универсальны, и поэтому они также в полной мере распространяются на неграждан государств-членов. Тем не менее, фундаментальные права неграждан государства-члена регулируются чрезвычайно разными способами в пределах Европы.

Основные фундаментальные права, в целом, уважаются в Европейском Союзе, хотя, время от времени появляются сообщения «Международной амнистии» об их нарушениях в отдельных государствах-членах.

Здесь есть другая проблема. К основным фундаментальным правам относятся права, закрепленные в ст. 8а [4], о свободе выбора места жительства и передвижения в пределах территории государств-членов. Но эти права часто могут находиться в противоречии с национальными условиями и ограничениями. Основные фундаментальные права, закрепленные в ст. 48 Соглашения о Европейском Союзе, такие как свобода передвижения рабочих, по крайней мере, в конце транзитного периода, также могут коллизировать с национальным правом.

Другими словами, национальные условия в различных странах — членах ЕС очень разнообразны. Например, Италия закрепила в своей конституции право работать, это явилось результатом компромисса между христианскими демократами и коммунистами. Германия, напротив, сочла, что это популистское словоблудие. Общеизвестно, что при таком раскладе фундаментальных прав в Италии безработица несколько больше, чем в Германии. Вместе с тем такие конституционные положения защищают хотя бы символически национальную политику и определяют направление, позволяющее осуществлять свободы движения трудового фактора производства. Это проявляется в продолжающихся дебатах о хартии, о фундаментальных правах, вокруг которой Европа может объединиться. Ядром такого объединения могут стать права человека и права гражданина Европейского Союза.

В настоящее время в Европе сосуществуют, конкурируя друг с другом, два понятия политического и правового статуса гражданина. Особую популярность приобретает либеральная концепция гражданства. Суть ее в том, что существуют государства с недостаточно высокой правовой культурой, где вместе с тем имеются условия более или менее свободных выборов, что позволяет человеку участвовать в политической жизни чисто индивидуально.

Другая, Аристотелевская концепция этнических и культурных сообществ, близка к идее интеграции через целостное понятие гражданства, т.е. носительство общих прав и свобод, в том числе политических.

Отсюда возникает вопрос, можно ли рассматривать гражданство Европейского Союза (*communitarianism*), которое не только саморефлексивно, но также ограничено в своих интеллектуальных требованиях, как новую догматическую доктрину, либо это попытка несколько подправить идею либерализма?

Складывается впечатление, что развитие идей либеральной демократии подталкивало к необходимости уточнения конституционного развития ЕС, в том числе проблем гражданства Европейского Союза. Но как быть с международно-правовым статусом Европейского Союза как международной организации?

Конституционное строительство демократических государств — членов ЕС весьма разнообразно. И существующие различия между государствами-членами с разной формой правления стали вторичными при определении гражданства Европейского Союза. Правовая природа гражданства Европейского Союза остается неясной, хотя формируется исключительно на основе конституционного и международного права. Некоторые авторы, такие как Клаус фон Бейме в работе «Движение Фишера в сторону Европейской Конституции», рассматривают конституционную ситуацию в Европейском Союзе как федеративную или конфедеративную.

Маастрихтское соглашение, по мнению Клауса фон Бейме, — больше чем соглашение и меньше чем конституция. Некоторые видят это соглашение как конституцию в зародыше.

Вряд ли можно рассматривать подобную позицию оправданной.

Маастрихтское соглашение о Европейском Союзе в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. представляет собой международное соглашение, которое в полном соответствии с международным правом было подписано и ратифицировано государствами — членами ЕС.

Факт ратификации свидетельствует о том, что государства согласились с обязательностью для себя положений соглашения. К тому же международно-правовая практика показала несостоятельность слепого копирования конституционного законодательства одной страны для применения его в другом государстве.

Однако право Европейских Сообществ, а сегодня право Европейского Союза нашло несколько удачных, на взгляд автора, решений. Прежде всего, в договорах закрепляются цели интеграции, а не конкретные отношения, это позволяет правовой системе Европейского Союза быть очень гибкой при регулировании вновь возникающих общественных отношений. На это же направлен принцип субсидиарности. Суть его в том, что полномочия в институциональной системе ЕС и между государствами-членами плавающие, т.е. они могут перемещаться в зависимости от целесообразности и необходимости.

Принцип субсидиарности, закрепляемый в соглашении, представляет собой формулу компромисса, поскольку государства — члены ЕС различаются не только по форме правления, но и по форме государственно-территориального

устройства. Так, Великобритания, будучи государством унитарным, никогда не допустит никакой федерализации, хотя, скажем, Германия наряду с Бельгией, как федеративные государства, на федерализацию отношений внутри Союза смотрят спокойнее, более того, в ней заинтересованы. Соответственно плодотворное сотрудничество двадцати семи государств в области интеграции возможно на основе этой формулы компромисса.

В пользу такого подхода Клаус фон Бейм приводит высказывания Шарпфа, который справедливо считает, что ложь федерализма проявляется в больших остаточных полномочиях во всех федеративных государствах — членах ЕС, вызывающих колоссальную централизацию полномочий. Тем более это характерно для Европейского Союза как международной организации особого вида, которая может приобрести федералистские черты, о чем свидетельствуют последние события в еврозоне, связанные с поиском выхода из кризиса.

В резолюции Европейского парламента по субсидиарному принципу, принятой в ноябре 1990 г., говорится, что осуществление федералистских полномочий, уже существующих на уровне Сообщества, становится началом ответа на вопрос, нужна ли реализация принципа субсидиарности, который содействует расширению демократии в Сообществе.

Демократичность присутствует в принципе субсидиарности даже в большей степени, чем в принципе федерализма.

Дело в том, что благодаря принципу субсидиарности появляется возможность разрешить нормотворческие полномочия всех частей для целого только в ясно указанных случаях.

Несмотря на это, ряд авторов видит в принципе субсидиарности его открытость для злоупотреблений служебным положением.

Неясность положений в Маастрихтском договоре часто превращалась в его преимущества, поскольку принцип субсидиарности позволяет гибко перемещать, когда это необходимо, полномочия от государств-членов Сообществу или отдельным институтам Сообщества. Это весьма убедительно показал Элмар Брок в 1992 г. на заседании Европейского парламента.

Вопрос относительно того, может ли международная организация, которой бесспорно является Европейский Союз, представляющая собой объединение юридических систем и политических культур, продолжить развиваться в соответствии с конституцией, остается спорным. Некоторые авторы все еще не видят возможности развития европейской демократии без европейской идентичности и гражданского общества, без формирования европейских партий и общих интересов социальных групп. Другие исследователи рассматривают и развитие соглашения, и конституции как пути продолжения интеграции. Выбор функционального пути вместо территориального расценивается некоторыми экспертами как предпочтительная линия развития, которая позволит преодолеть блокировку между демократическим и федеральным принципом.

Это, прежде всего, выражение взаимоотношений особенностей федерации против унитарного государства, которое было присуще политической культуре

большинства стран, где подобные сооружения действительно внедрены. Почти то же самое можно сказать о концепции гражданства. Во многом евроскептицизм напоминает дискуссии девятнадцатого столетия об интеграции новых этнических государств.

Так, Лоренц фон Штейн в 1852 г. считал, что прусскую неготовность к восприятию конституции, в силу ее социальной гетерогенности, можно компенсировать конституционной способностью Германии, что перекликается с конституционной способностью всей современной Европы.

Достаточно интересными, на взгляд автора, хотя и не бесспорными, представляются выводы, к которым пришел Эдгар Грэнд в ходе исследования европейской интеграции.

По его мнению, интеграция ведет к ослаблению государства и общественных связей. Это наблюдение он назвал «парадоксом слабости». И объясняет это тем, что государство теряет способность контроля, так как глобализация и районирование позволяют населению, живущему в пределах границ государства, находиться вне его гражданства. К тому же многоуровневое глубокое проникновение интеграционных процессов в общественную жизнь делает государство менее управляемым.

Что касается конституционного строительства, то достаточно часто при федерализме встречаются коллизии между конституциями субъектов и конституцией самой федерации. Так, в Российской Федерации в конституционных актах 48 субъектов Федерации были обнаружены положения, противоречащие Конституции Российской Федерации. При этом Федерация не имеет эффективных санкций против подобных нарушений федеральной учтивости [1. С. 57, 102–157].

Конституционная ситуация в Европейском Союзе еще хуже. Объясняется это тем, что если субъекты Российской Федерации не являются субъектами международного права, то государства — члены Европейского Союза — субъекты международного права и Договор, устанавливающий Конституцию для Европы, — международный договор, который был подписан в соответствии с волей участников этого договора и впоследствии не ратифицирован в соответствии с их же волей.

Думается, что в сложившейся правовой ситуации единственным документом, способным стать правовой основой гражданства Европейского Союза, представляется Европейская Хартия Фундаментальных Прав, которая представляет собой комплексный акт, охватывающий всю полноту прав человека. Хартия представляет собой копию Европейской Конвенции по правам человека плюс новый каталог фундаментальных прав со многими социальными фундаментальными правами. Проблемой являются вопросы реализации: будут ли государства-члены соблюдать эти права и как далеко пойдет правоприменительная практика Суда Европейского Союза в борьбе с нарушениями фундаментальных прав.

Анализ положений ст. 123 Маастрихтского Соглашения показал, что немецкая идея равноправия от условий объединения до условий жизни, для реали-

зации которой был создан Социальный Фонд, получила свое правовое закрепление. А ст. 117 того же договора закрепила гармонизацию уровней жизни. Сложилось впечатление, что социальная интеграция нивелировала социальное неравенство и позволила не допустить таких больших различий в социальном статусе, как, например, в США или в России.

Однако реальная ситуация несколько иная. Несмотря на наличие общего гражданства явно заметна тенденция социальной слабости в пределах Европейского Союза. По мнению исследователей, однородная политика заработной платы отнюдь не вытекает из положений Маастрихтского договора. А с созданием валютного союза угроза ухудшения социальных условий встала у порога Европейского Центрального Банка, и, косвенно, — Бундесбанка и Центральных банков других государств-членов. Об этом свидетельствует ситуация в Греции, в Ирландии, в Португалии и в некоторых других государствах Еврозоны.

Возникает парадокс: с одной стороны, для регулирования широкой области социальной политики требуется более широкая интеграция, которая невозможна без ограничения суверенитета государств-членов и передачи его Европейскому Союзу. А с другой стороны, Морган и Тэйм в 1996 г., а Лэндфрид в 2001 г. пришли к выводу, что основная область дистрибутивной социальной политики, образования и культуры остается областью формирования этнического государства, что подталкивает к усилению суверенитета государств-членов.

Вместе с тем нейтральная социальная инновационная политика более реальна для ЕС, если она сформирована без слишком большого участия национальных структур. В свою очередь, сторонники «конституционного патриотизма» Нассеи и Шроер справедливо считают, что только расширение политики благосостояния может подтолкнуть Европу к более глубокой интеграции и ее денационализации.

Какой бы сценарий развития социальной интеграции не сложился в будущем, уже сейчас очевидно, что роль и место национальных парламентов в деле принятия решений ограничено. Расширение процесса интеграции ведет к переливу компетенции национальных парламентов институтам ЕС.

Этот процесс незаметно, но эффективно обеспечивается прецедентным правом ЕС и полной унификацией правовых систем государств — членов ЕС. Этим же целям служат положения ст. 100 «а» и 118 «а» Маастрихтского Соглашения. Новый уровень социальной интеграции включает в себя окружающую среду, в которой живет и работает человек, его здоровье, защиту прав потребителя, которые носят универсальный характер.

Однако практика показывает, что основная область социальных отношений продолжает оставаться в компетенции национального регулирования. Причины такого положения различны. Прежде всего, Европейский Союз несет менее 4% от расходов всех национальных правительств стран — членов ЕС и менее 1,3% «грязными» — социальный продукт, доступный для выплат.

В условиях повсеместных бюджетных ограничений маловероятно, чтобы государства-члены действительно хотели бы что-то сделать в этой области. Ус-

пехи отдельных форм политики Евросоюза не настолько внушительны, чтобы обеспечить благосостояние его граждан.

Таким образом, наряду с общей международной политикой, политикой безопасности и обороны социальная политика, по-видимому, продолжит оставаться в компетенции принятия решений национальными парламентами.

Дальнейшее расширение регулирования социальных проблем гражданства, в конечном итоге, вероятно, приведет к острым социальным конфликтам, так как ЕС до настоящего времени представляет собой прежде всего экономическое интеграционное объединение, в компетенцию которого регулирование социальных проблем не входит. Согласно немецким оценкам, это интеграционное влияние составляет меньше 10% в социальной сфере, тогда как в сельском хозяйстве интеграция охватила 42%.

Все это показывает, что разработка окончательной концепции гражданства для Европейского Союза далека от завершения. Формы участия граждан в реализации своих прав, как и их правовой статус, в государствах-членах все еще имеют значительные отличия, хотя и не являются серьезной помехой для осуществления следующего уровня интеграции. Культурная составляющая содержания гражданства остается в рамках национальных государств-членов, тогда как на юридическое содержание понятия гражданства все больше оказывают влияние интеграционные процессы, чему в значительной степени содействует Суд Европейских Сообществ.

Интеграция продвигается быстро только в области регулирования социальных проблем. Одним из примеров, подтверждающим справедливость этой мысли, является решение правительства Италии 31 октября 2007 г., предоставляющее префектам право депортировать граждан Европейского Союза на родину. Тем самым Италия подтвердила, что она рассматривает статус гражданина только как связь физического лица с конкретным государством, которое и распространяет свой суверенитет на него. Подобное положение дел привело к коллизии с соответствующими положениями Маастрихтского договора.

Практика показывает, что ожидать симметрии в четырех составляющих определения гражданства ЕС в ближайшем будущем вряд ли возможно. Некоторые национальные государства-члены потратили очень много времени, чтобы достичь этой симметрии и привести в соответствие сообщество и свое гражданство. Думается, что интеграция в этой области натолкнется на серьезные трудности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) К юбилейному заседанию Европейского Совета в Берлине Германия испекла огромный шварцвальдский торт, Италия — тирамису, которые были предложены гостям.
- (2) Хотя к 2004 г. был создан шестидесятитысячный корпус быстрого развертывания, который используется Европейским Союзом в некоторых горячих точках.

- (3) «Возмущенными» стали называть себя манифестанты, выступающие против финансово-социальной политики правительства в Греции, Испании, Франции и в других государствах еврозоны.
- (4) Договор, устанавливающий Конституцию для Европы, был подписан государствами — членами ЕС в 2004 г. и ратифицирован 16 государствами. Франция и Нидерланды вынесли ратификацию на референдум, где она была благополучно «провалена».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Единая конституционная система Российской Федерации / Комитет Государственной Думы по делам Федерации и региональной политике. — М.: Государственная Дума: Республика, 1994.
- [2] Рожков Е. С чем пришла Европа к юбилею. URL: <http://www.vesty.ru/doc.html>.
- [3] The Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated Version) EN // Official Journal of the European Union C 115/56 9.5.2008.
- [4] Treaty on European Union (1992) // Official Journal C 191 of 29 July 1992.

CITIZENSHIP OF THE EUROPEAN UNION, SOCIAL AND LEGAL PROBLEMS OF ITS FORMATION

N.I. Shapovalov

The Department of Constitutional and International Law
The Moscow Financial-Industrial University «Sinergy»
80, Leningrad av., Moscow, Russia, 125190

Material is devoted to analysis of the concept of citizenship of the European Union, explores social and legal problems of establishing the citizenship of the EU on the basis of the primary sources of EU law. The question on the European citizenship, undoubtedly, is represented an innovation in international law. However integration process is represented natural development of a society which finally will lead to search of the decision of these problems.

Key words: European Union, integration, integration process of EU, EU right, unification of legal system.